

18+

Жар двух корон

Мора Скапп

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Мора Скарр
Жар двух корон

«Автор»

2026

Скарр М.

Жар двух корон / М. Скарр — «Автор», 2026

Меня продали за долги рода. Двум принцам-драконам сразу, потому что моя кровь отозвалась обоим. Один жжёт. Другой морозит. Тело они взяли в первую ночь — вдвоём, не поделив, будто вещь, которую не жалко. Никто не сказал мне главного: истинную связь телом не замкнуть. Её замыкает то, чего эти двое боятся больше войны, — если я полюблю по-настоящему. А те же чары, которыми меня уложили, не дают понять — это сердце или морок. — Скажи, что хочешь сама. Не чары в тебе — ты. — А если я перестала различать? — Значит, будет жарко, пока не научишься. Один цикл затмения. Или наследник — или их пламя дождёт их, а мой род оборвётся. Считали меня добычей на двоих. Просчитались. Я их королева.

© Скарр М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мора Скарр

Жар двух корон

Глава 1

Ясна

Меня вели через пир, и я старалась идти и не коситься по сторонам. Держаться с достоинством меня муштровали с детства. Вот к чему всё пришло. Горделивая осанка и оказалась последним, чего у меня ещё не отняли. Прочее давно продали.

Глаза бы себе завязать. Куда ни ткни взглядом, всюду одно и то же, и я вела их по чужим затылкам, где хоть изредка попадалась одежда, и та ненадолго. Слева, за откинутой занавесью, девица в одних браслетах запрокинулась на подушки, а мужчина слизывал с её живота что-то тёмное и спускался всё ниже, и она смеялась ему в волосы. Справа кому-то властно мяти грудь, будто пробовали на рынке спелость, а хозяйка её и беседы не прервала. За колоннами двигались тени, слишком в лад, и оттуда тянуло таким стоном, что я сбилась с шага.

Проходящую служанку кто-то шлёпнул по задку. Та перехватила поднос поудобнее и пошла дальше. Никто и не обернулся.

А хуже всего оказалась скука. Лорд в мехах ковырял вилкой в блюде, глядя сквозь голую девку в двух шагах от себя. Две дамы у камина перемывали кому-то кости под самый этот стон и хохот. Их это не трогало. Тут вообще давно ничего никого не задевало. В этом зале тело не стоило ни гроша, им объедались до оскомины и отворачивались.

А меня, значит, привезли на этот стол.

Продали свои дядья и братцы дома Асторн, которые сперва спустили всё серебро на чужие расписки, а после спустили меня, чтобы теми расписками подтереться. Дали за меня, надо думать, хорошо. Герб мёртвый, зато кровь на что-то сгодилась.

Кстати, её у меня взяли за месяц до всего. Пришли в нашу развалину три женщины в сером, сёстры из тех, что при храмах, уколи, мол, палец, вейра, дело святое. Я и укола не почуяла. А спустя неделю долги дома Асторн будто корова языком слизнула, меня уже везли через межу, и никто не потрудился объяснить, что в одной капле нашли.

Вёл меня, как ни странно, гладкий малый в ливрее, из тех, что рта не раскрывают без нужды, и до того услужливый, что перед каждой дверью кланялся, точно вёл меня на именины, а не на убой. У края зала он отворил тяжёлую, тёмную створку, и пир за ней оборвался. За дверью упала тишина, такая плотная, что в ушах зазвенело.

После рёва и голого мяса за плечами комната показалась почти монашеской: камин, два кресла, высокое окно во всю стену. К нему меня и потянуло. За ним по небу расплзлась багровая муть, напознала на серебряный лунный диск и съедала его с краю.

Меня оставили одну, и после всего рёва внутри сделалось пусто.

Ещё год назад у меня было будущее. Небогатое, но своё: суженый с соседнего надела, венчание по осени, дом, куда я вошла бы хозяйкой, а не товаром. Я то будущее не больно-то любила, но обмана в нём не водилось. Меня растили под замужество, а не под опись. Теперь ждали здесь.

Ну и довольно об этом. Слезами долги не гасят. А гордость, единственное моё приданое, пока не продали лишь потому, что не сообразили, за какую цену.

Ну и хватит, вейра. Прочее выправится само.

Никого не было, ровно до той минуты, когда позади отворилась дверь. Вошли двое.

Первый появился так, будто и зал, и межа, и я в придачу принадлежали ему от рождения. Высокий, лёгкий на вид, с той опасной грацией, за которой прячут силу. Серебристо-пепель-

ные волосы падали ниже плеч, длиннее, чем носят мужчины. Ступал он мягко и чуть покачиваясь, вразвалочку хозяина, которому весь мир давно сочтён в приданое. И улыбался слишком приятно. Такие улыбки я видала у кредиторов, они всегда значили, что сейчас с тебя возьмут что-нибудь сверху.

Второй в кресле у огня оказался так, словно там и сидел. Огромный, таких обходят стороной. Из примечательного: тяжёлая челюсть и старый шрам поперёк скулы. Волосы чёрные, стриженные коротко. От него катился через весь зал сухой жар, будто у камина грелась не я, а он сам этим камином и был.

Глаза у него оказались тёмные. Он их поднял, в угле вспыхнуло красным, зрачок вытянулся в щель, и глянуло на меня древнее и голодное чудище, ничуть не человеческое. Ашмара милостивая. Смотрел он медленно и без стыда, заглядывая туда, куда не положено, и по коже несло холодом. Так изучают купленное, прикидывая, куда бы его поставить.

— Ну наконец-то, — протянул серебряный и пошёл вокруг меня. — А то брат весь извёлся. Ты не смотри, что каменный.

Он ходил и говорил, и мягкий голос был под стать обволакивающей улыбке. Обошёл и встал где-то позади. Я его не видела, только чувствовала, и вся напряглась.

— Хороша, — выдохнул он мне в затылок, и по шее пробежали мурашки. — Правда хороша. А глаза-то. Янтарь.

Пальцы едва-едва тронули мой локоть. Я отшатнулась и развернулась к нему лицом.

— Не трогайте!

Вышло резче, чем стоило, и я тут же вся заledenела в ожидании удара. Тем, кто может переломить тебя о колено, так не говорят. Я стояла, вытянувшись в струну, и ждала, когда мне наконец укажут моё место.

Серебряный расплылся ещё шире.

— Ой, кусается. — Он прижал ладонь к груди, будто я ранила его в самое сердце, и оглянулся на брата чуть не счастливо. — Дарий, ты слышал? Она мне велит не трогать. Мне! Тут за одно прикосновение в очередь стояли до конца затмения, а эта фыркает.

— Слышал, — бросил тот от огня.

И вот это меня и удивило. Я готова была к пощёчине, к брани или к рукам, а меня разглядывали с восторгом, как забавную зверушку.

— Меня зовут Каэлан, птичка. Запомни, пригодится. — Он качнулся ко мне спереди, заглядывая снизу. — А это Дарий. Брат мой двоюродный, свет очей, гроза межи и золото души, когда спит.

— Мне тут никто не пригодится, — произнесла я уверенно. — Меня не в гости привезли.

— А зачем, как думаешь? — В бледных серебристо-серых глазах мелькнуло настоящее любопытство.

Цену таким вопросам я знала. Но других мне задавать никто не собирался.

— Затем же, зачем всё в вашем зале, — отчеканила я. — Позабавиться и выбросить.

От огня тяжело хмыкнули.

— Она решила, мы её в постель взяли, — проворчал Дарий, не глядя в мою сторону.

Меня обдало жаром до ключиц, краска, будь она проклята, залила щёки. Прежняя личная Ясна от такой прямооты осела бы на пол. Однако её тут больше не было. А краснеть оставили меня.

— А разве нет? — дерзко выплюнула я. — Я прошла через ваш пир. Выводы напрашиваются.

— Всё верно. — Дарий наконец медленно повернул ко мне голову. Красным вспыхнуло опять. — Неполные только.

— Дарий у нас так и разговаривает. — Каэлан снова оказался сбоку, я и уследить не успела. — Скажет половине, вторую предоставит домыслить. Приходится за него. — Он на

миг посерьёзней, и под бархатом проступил холодный расчёт. — Позабавиться и выбросить мы, птичка, и без тебя горады, весь наш талант ты по дороге видела. Тебя взяли за тем, чего мы как раз и не умеем.

— И зачем же?

— За тем, что мы умираем.

Сказано это было с безразличными нотками, и оттого внутри у меня всё осело.

— Подойди-ка. — Он кивнул на окно, и всё ласковое из голоса испарилось.

Снаружи висела багровая муть поперёк ночи и напознала на серебряный диск, съедая его с краю, и там, где багровое касалось серебра, оно гасло насовсем.

— Багряное Затмение. — Каэлан стоял у самого плеча, теперь не касаясь. — Раз в поколение багряная луна пожирает серебряную. Небо гаснет в кровь. Длится один цикл, не дольше. Красиво?

От одного взгляда на это делалось зябко.

— Впечатляет, — проблеяла я.

— Мы тоже сперва думали, что красиво. Пока не поняли, что звонит по нам. Обе линии гаснут, и Багряный предел, и Лунный. Старая кровь истончилась, наследников нет и обычным путём не будет. Дракону нужен драконий ребёнок, а выносить такого может не всякая женщина. Почти никакая. Раз в поколение рождается одна, чья кровь на это годна. И рождается, угадай когда?

Он кивнул на затмение.

— Только в это окно, — договорила я пересохшим горлом.

— Умница. Только в затмение такая может зачать и замкнуть род. Промажнёшься, жди следующего. А мы столько не живём. Пламя, которому некуда деться, начинает жечь изнутри. Уже начало.

И тут до меня дошло про сестёр в сером и про каплю.

— Кровь, — вырвалось у меня. — Вот зачем её брали.

— Камень тебя позвал. — Каэлан смотрел на луну. — Он таких чует издалека, тлеет и тянется. Сёстры Ордена по этому зову тебя и сыскали, сверили каплю и выкупили, пока дёшево. Тебя не выбирать пришли, птичка.

Я глядела на кровавую луну, и всё тело каменело. Осанку я ещё держала по привычке, но внутри мелко и подло дрожало, и я знала: дай слабину, покажи им это, и всё, сожрут. С усилием воли я разжала кулаки и выпрямилась.

Только не сейчас, вейра. Не перед ними.

— И который из вас, — обернулась я от окна, — меня получит?

Каэлан улыбнулся, и в улыбке проступил клык.

— Вот завтра и узнаем, — мягко проворковал он. — Камень позвал тебя вообще. Завтра скажет, чью линию ты возьмёшь. — Он глянул на брата, и между ними скользнуло что-то острое и старое, как их вражда. — А до завтра будем оба делать вид, что нам всё равно.

— У тебя выходит скверно, — фыркнул Дарий.

— У тебя ещё хуже. Вон, углями пошёл, на неё глядя.

Они препирались, будто меня в зале и не стояло, и я не человек, а спорная полоса земли, из-за которой у соседей тяжба в третьем поколении.

Доходило до меня туго. Хозяев, выходило, двое. И то, что они решали сейчас вполголоса, было про то, кому я достанусь.

И где-то совсем глубоко, под слоем ужаса, тоненько и мерзко зашевелилось любопытство. Который из них?

Эту дрянь я придушила, не дав ей и головы поднять.

Не смей, вейра. Они о твоём чреве толкуют, как о пашне.

Огромные, страшные, красивые ящерицы, и завтра меня поделят по крови.

Дверь в глубине зала отворилась. Вошедший явно ошибся, но шагнул, увидел нас и встал. Он был высоким и сухим, двигался с ленцой хищника. На вид молодой, только что-то в лице сбивало с мысли, будто года его вовсе не брали. Тёмные волосы без единой сединки. Хорош собой ледяной, выделанной красотой, от которой не теплеет.

Взгляд его прошёл по мне всего один раз. Холодные глаза цвета старой бронзы, словно выцветшие от времени. Дарий глядел на меня голодно, как на купленное. Этот — вовсе спокойно и уверенно.

Холод по коже промчался третий за вечер, и хуже двух первых, потому что те двое меня хотя бы хотели. Этот просто облил ледяным безразличием.

— Прощу простить, — протянул незнакомец без тени неловкости. — Ошибся.

И вышел, так же неслышно, как и появился.

Каэлан не сводил глаз с закрывшейся двери, и от улыбки на нём ничего не осталось. Дарий медленно поднялся из кресла, впервые за весь вечер встал в полный рост, и зал сделался меньше. Они переглянулись и ничего друг другу не сказали.

— Кто это был? — Я всё глядела на дверь, за которой он исчез.

— Никто, — ответил Каэлан быстро. — Гость. Их тут много.

Как же гладко он врал, и мы оба это понимали.

Повернувшись ко мне, мужчина замер, и в его голос вернулся бархат.

— Устала, птичка? Ну конечно, устала. Тебя проводят, поешь, поспи, ни в чём себе не отказывай, двор большой. — Он наклонился ближе, и я не успела отшатнуться. — А завтра узнаем, кому ты достанешься.

— Никому я не достанусь, — почти выкрикнула я, сама дивясь собственной смелости.

Выдержать его серебряный лёд взглядом было тяжело, но я не отвела глаз, и первой сдавать эту малость я не собиралась.

— Меня можно купить, — продолжала сопротивляться я и сама себе не верила. — Кровь мою сверить. Тело берите, за него плачено. Но это...

Слово не шло. Гордость не пускала его наружу, при них, вслух. Я прижала кулак к груди, где колотилось сердце, и договаривать не стала.

Каэлан выпрямился и оглядел меня без улыбки, будто увидел впервые. А из-за его плеча, от огня, впились в меня остывшие угли, и в них медленно наливалась багровая краска.

— Слыхал? — бросил Каэлан через плечо, не оборачиваясь.

— Не глухой, — пробасил Дарий.

И в этом тяжёлом голосе впервые за вечер что-то дрогнуло, словно слова мои угодили туда, куда он никого не пускал.

Меня увели. За дверью снова обрушился пир, хохот, стоны, музыка, и я шла сквозь него, не видя ничего.

Продана. Желанна двумя, которые ещё не решили, кому я отойду. И где-то за третьей дверью находился некто с глазами цвета старой бронзы, кому до меня, кажется, был давний спокойный интерес, кто глядел без голода и без игры.

Завтра камень скажет, чья я.

Глава 2

Ясна

Зал, куда меня привели, был весь из чёрного и серебряного камня, и я сразу поняла, что это неспроста: от части стен чувствовался жар, от других — стыл туман. Багряные и лунные разделились и разобрали себе по половине. Посередине, на возвышении, в каменной чаше лежал уголёк размером с кулак. Сердце Пламени. Ради него меня сюда и притащили.

Не горбись, вейра. Порода с молотка не пустили, хоть это при тебе.

Я знала, зачем всё это. Мне объяснили быстро, будто скотине перед клеймом. Капнут крови дракона, капнут моей. Если я та самая — камень отзовётся. Я даже сообразила, чей буду: земли Асторнов лежат ближе к вулканам, багряный зов, говорили, шёл оттуда. Стало быть, пойду к тому, чёрному, с лицом человека, который в жизни не улыбался и начинать не думает. Ну прекрасно, одного я как-нибудь переживу.

Чего мне не объяснили — так это, что двое королей сейчас смотрят на меня, как голодные на последнюю краюху, потому что война и они сгорят. Это всё дошло позже и лучше бы не доходило вовсе.

Обряд вёл чужак, тот самый, что накануне мелькнул незнакомыми крыльями. Высокий, поджарый и до того хорош собой, что это сбивало с толку: молодое и спокойное лицо, а глаза цвета старой бронзы, выцветшие и холодные. Братья грели каждый по-своему — от багряного несло жаром, от серебряного тянуло лёгкостью. От этого не шло ровным счётом ни тепла, ни холода — красивая остывшая печь. Все при нём стихали. А этот, значит, тут и главный. Занятно.

При нём вилась медно-рыжая баба, вся в золотых цепочках там, где не хватило ткани, а её почти нигде не было. Цепочки звенели на ходу, и по звуку её можно было найти, не поднимая глаз. Она подавала чужаку чашу, затем клинок и умудрялась превратить это в отдельное представление: протиснулась мимо него в щель, которой не было, повела бедром по его бедру, задержалась ненадолго. Жрицы такие, о них дома говорили вполголоса, а честные жёны уводили мужей подальше.

Святые василиски, вот это бесстыжая. И тут же, помимо воли, зло кольнула зависть. Ашмара милостивая, только не хватало: вейра дома АстORN завидует блуднице в цепочках. Не понравилась она мне, вот ни капли. Я решила отвернуться.

— Кровь Багряного предела, — бросил чужак.

Дарий поднялся и прошёл к чаше, ни на кого не глядя, протянул руку. Жрица чиркнула ему по ладони клинком, он и не поморщился, и на уголёк упало несколько густых, почти чёрных капель. Камень их выпил и не шелохнулся.

Потом Дарий повернулся ко мне.

— Дай руку, вейра.

Соберись.

Капля крови — не нож в живот, хотя по его лицу разницы не разглядишь. Я подала левую руку, чтобы правой держаться, если что. Он взял её прохладными пальцами, развернул ладонью вверх и быстро провёл клинком сам, не доверив жрице. Его глаза смотрели на меня. Ашмара милостивая, до чего неуютный взгляд. Своего я назло не опустила, из одной вредности, потому что та у меня всегда была вместо храбрости.

Моя кровь капнула на уголёк рядом с драконьей.

Секунду ничего не происходило, а потом Сердце Пламени вспыхнуло вулканическим светом, от которого по чёрной половине зала прошёл гул, а по лунной — стывшая дрожь. В потолок взлетел свет и опал. Всё решено.

Зал выдохнул разом. Дариева, багряного. Я даже обречённо успела подумать, что, наверное, это хорошо, авось не съест.

Багряный не стал ждать, пока за меня додумают. Он уже стоял за спиной и дышал жаром, как печь. Его ладони по-хозяйски опустились мне на плечи, и он бросил в зал:

— Моя. Расходимся.

Вот так. Не согласна ли вейра, не по обычаю чести, а словно забирая коня с торга. Я задохнулась от возмущения, набрала воздуха для чего-нибудь дерзкого и не успела.

Потому что с лунной стороны лениво поднялся серебряный.

Он поизыщнее брата, с длинными пепельными волосами, и улыбался широко, ему явно во всём зале одному было весело. Торопиться Каэлан, похоже, не умел вовсе.

— Погоди, погоди, — протянул он, и в голосе плескалась бархатная скука богача. — Куда ты её тащишь, братец? Мы даже не проверили, вдруг камушек и меня немножко любит?

По залу прокатился довольный смех над несуразицей и капризом. Это как же — избранная на двоих? Одна кровь на два предела? Не бывает. Даже багряные заухмылялись. Серебряный дурачился, тянул время, злил брата, и всякому было ясно, что это игра.

Тьма разбери этих чешуйчатых с их вечными забавами. Ну паясничай, паяц, дай хоть увести себя спокойно.

Он вразвалочку подошёл к чаше, подставил руку жрице, та полоснула, и серебряный дракон капнул своей крови на уголёк, поверх нашей. Сделал это небрежно, всё так же улыбаясь.

И Сердце Пламени вспыхнуло снова. Теперь уже холодным лунным серебром, таким же полным и настоящим, как багряный минуту назад. Свет плеснул до последнего угла, отразился в чёрном камне и погас.

И вот тут смех оборвался, будто всем скопом заткнули рты на полувдохе. Никто не двигался. На камень уставились все — багряные, лунные, оба короля. Один чужак не смотрел: стоял спокойно, чуть склонив голову.

А пальцы на моих плечах сжались так, что я едва не вскрикнула. Багряный впился в меня, боясь, что я вот-вот утеку между пальцами. Его заявление на меня лопнуло при всех, и в руку выплеснулось бешенство, до лица ещё не добралось.

Мне сделалось больно, и я рванулась прочь, чтобы отстраниться, но шагнула не туда: назад лопатками в раскалённую грудь.

Ну молодец. Из всех сторон — вжаться в дракона, гениально!

Я подалась вперёд, но поздно. Его рука ушла с плеча, обвила меня поперёк и рывком вернула к себе, притиснула к жару так, что дышать выходило только его дыханием.

Не пушу. При всех, при двух дворах, при короле-брате — не пушу, доказывайте теперь кто-нибудь, что она не моя.

И в этот самый миг, когда снаружи не было ни звука, у меня внутри прорвало плотину.

Да чтоб вас всех приподняло и уронило, оба предела разом! Их двое! Одного я, дура, уже похоронила и почти смирилась, а их, оказывается, дают парой, как сапоги, и теперь они будут делить меня, как пограничный пустырь, и по глазам обоих видно, что уступать никто не собирается.

Я вам не пустырь! Я вейра дома Асторн, во имя пекла, я суженого ждала. Честного и доброго человека, а не пару огнедышащих ящеров, которые сейчас через мою голову решают, кому я достанусь на ночь.

Однако наружу не вышло ни звука. Я могла лишь вжиматься в жар и краснеть, пока в горле колотилось сердце.

А вот с чем я не справилась, так это с тем, что глубоко, там, куда порядочной вейре и заглядывать не велено, что-то отозвалось на этот жар и на руку поперёк живота, на то, как меня крепко держали. Живот повело стыдным теплом, я поймала себя на этом и ужаснулась сильнее, чем всей чешуйчатой своре разом.

Нет-нет-нет. Это не я, это ужас, это духота, это что угодно, только не я.

В себя, дура. Живо!

От чаши на меня смотрел серебряный.

Он всё ещё стоял у возвышения, с окровавленным пальцем, который забыл опустить, и улыбался ленивой, светской улыбкой, с какой лез капать кровь. Только теперь она жила отдельно от глаз. Губы продолжали прежнюю игру, а взгляд сделался острым и холодным, устремлённым прямо в меня. Двое мужчин, а я между ними, как монета, которую уронили на ребро и ждут, на какую сторону ляжет.

Доигралась, вейра.

Не я одна, положим. От этого не легче.

Первым заговорил чужак.

Он шагнул к погасшему уже угольку и негромко повёл речь, голосом без тепла, каким читают законы старше всех, кто их слушает. Жрица подле него замерла с чашей в руках.

— Такое видели. — Он обвёл зал бронзовым взглядом, останавливаясь на каждом короле по очереди. — Дети двух братьев, а смотрите волками. Что ж. Кровь помнит родство лучше, чем вы. Редко такое бывает. Кровь избранной — это кровь, годная выносить драконье семя и продлить угасающую линию. В том её ценность, и только в том. А отозваться она может не одному. Если два дома некогда пили из одного источника — а все наши дома, короли, копни поглубже, были когда-то одним родом, — то и отклик ляжет на двоих. Камень не ошибся дважды. Он ответил тому и другому, потому что оба вы с одного древнего корня.

Он смолк. В зале не дышали.

— Дальше — ваше дело, — обронил он уверенно. — Ваше право делить её или драться за неё — решайте сами. Утроба одна. Затмение тоже. Наследник нужен один. — Уголок его рта дрогнул. — Договоритесь.

Вот и всё, что он сказал. А в ту минуту я заметила одно, и то краем глаза, потому что была занята тем, что меня держали.

На словах чужака про один древний корень жрица чуть дёрнула лицом. Она держала чашу со скучающим видом, и на его фразе поперёк этой скуки проскочила быстрая тень. Словно расслышала не то, что весь зал, и знала, что сказана неправда, лишь подивилась, до чего спокойно он врёт. Тень стремительно испарилась, и жрица снова заскучала. А я не поняла ничего, потому что было мне не до чужих гримас.

Кто-то распахнул высокие ставни в дальнем конце зала, и в чёрно-серый камень хлынул больной свет: наверху багровая луна доедала серебряную, и небо гасло в кровь. Часы пошли. И вот тут на меня и обвалилась вся та катастрофа, которую мне так предусмотрительно не разжевывали заранее. Один лунный цикл. Наследник — или обе линии оборвутся, оба короля дожгут себя изнутри, а два предела, что сидят сейчас по обе руки от меня и сохраняют перемирие на одном обещании наследника, сорвутся в войну. И всё это упирается в девчонку, отданную за долги. В одну мою кровь.

Драконьи потроха. Вот во что я влипла!

А потом случилось то, отчего мне сделалось хуже всего.

Оба короля посмотрели на меня.

Багряный — сверху, я спиной чувствовала его тяжёлый взгляд, каким метят купленную вещь. В глазах серебряного же стыла холодная жадность. Кажется, у них без меня всё рухнет.

И где-то очень глубоко появилось постыдное тепло.

Я его утопила, не дав вздохнуть. Затолкала обратно, придавила всем, что осталось от дома Асторн, и своей ноющей поясницей.

Рано, вейра. Об этом потом, если доживём.

Глава 3

Ясна

Меня вели по галерее. Двое по бокам, я между ними.

Вот тебе и завидная партия, вейра. Доигралась в невесту.

Плиты под тонкими туфлями были тёплыми, весь этот двор горел жаром: стены, воздух, даже свечи. Я шла и рассматривала колонны, лишь бы не косить в их сторону. Особенно на багряного справа, от него несло таким пеклом, что кожа с того боку натягивалась.

Комната, куда нас привели, была без стола. А я, дура, его ждала, потому что за ним торгуются и ясно, кто чего стоит. А тут — низкие кресла, ковры, тот же густой воздух и ни угла, куда деть руки.

— Садись, — бросил багряный Дарий, имя я уже выучила, а привыкнуть к нему не успела. Я не села.

Серебряный Каэлан, что при всех обрушил мне на голову второго хозяина, развалился в кресле, будто прожил тут всю жизнь, и разглядывал меня с ленивым удовольствием кота, под которым мышь пока ещё бежит.

— Она стоит, — сообщил он брату. — Её гордость этого хочет.

— Пусть стоит.

Дарий тоже садиться не стал. Встал у стены, сложил руки на груди. Тяжёлый весь — от плеч до того, как он не торопился открыть рот. А открыл, и я поняла: торга не будет.

— Слушай сюда, красавица. Нам нужен сын от тебя до конца затмения. Остальное — мишура.

Ни предисловий, ни уговоров.

Я открыла рот сказать что-нибудь острое и не нашла что. В голове было пусто и звонко.

— А если не выйдет? — вылезло вместо остроты, и голос вышел тоньше, чем хотелось.

— Тогда нам гореть, — спокойно ответил Дарий. — Ты думала, одну тебя сюда впрягли?

А тут меня зацепила мысль, которой я сюда ехать не собиралась. Я-то была товаром, которого перевязали лентой и переложили из рук в руки. А эти двое сидели в той же петле. И мне это не понравилось. Куда проще было бы, будь они чудовищами.

— Красиво излагаешь, — фыркнула я. — Прямо романтика.

— Красиво не умею, — отозвался Дарий. — Тебе не за красивое платили.

Я вздохнула про себя. Ашмара милостивая, дай терпения. И зашла с делового конца:

— И как это... — начала я наивно. — С двумя-то? По очереди?

Спросила я это, а у самой поджилки тряслись. Честное слово. Мне просто не укладывалось в голове расписание, и я хотела его понять.

Каэлан засмеялся низко, тихо, будто ему поднесли подарок.

— Можно и по очереди, птичка. А можно и вместе. Совсем не проблема.

— ...А как это — вместе?

И только когда вопрос уже вылетел, я расслышала, о чём спросила, и залилась краской до горячих ушей.

Ну вот, вейра. Сама и напросилась.

Каэлан приоткрыл было рот, по глазам я видела, что сейчас всё объяснит, обстоятельно и в лицах, а такого я не переживу. Но Дарий оттолкнулся от стены.

— Идём, — кивнул он на дверь. — Покажу.

Он повёл меня обратно в галерею, широким шагом, не оборачиваясь. Ноги сами несли меня за ним. Каэлан скользил позади, и его усмешку я чувствовала лопатками.

Матушка бы легла в обморок и не встала.

Дарий остановился у высокой двери, взялся за створку и распахнул без стука.

За ней было темно и жарко, и почти всё место занимала огромная кровать под балдахин. Полупрозрачная ткань свисала багровой от жаровен дымкой, и за ней шевелились люди. Толком не разобрать, одни силуэты да тени. Женщина посередине, выгнутая, запрокинутая, а с боков — двое. Мужские руки на ней разом, повсюду.

А слышно было всё.

Она стонала. Я, дурёха, сперва решила, что от боли, а потом поняла: нет, вовсе нет. Она просила ещё, больше. И те двое отзывались низко, довольно, и всем троим там было так бесстыже хорошо, что у меня пересохло во рту.

Сразу с двоими. Оказывается, так можно.

Я знала про то, от чего рождаются дети. Так мне скупно и объясняли. Только никто не обмолвился, что от этого ещё и выгибаются вот так. Что просят. Что можно, оказывается, хотеть.

Я отвернулась. Вот только ноги на миг приросли к полу, и я сглотнула, запретить себе это уже не успевала.

И уткнулась прямо в грудь Дарию.

Он не отступил. Стоял вплотную, стеной, и пекло от него било через платье, как от распахнутой печи. Взял меня за лицо, двумя пальцами без всякой нежности, просто чтобы я смотрела на него.

— Первый раз краснеешь по-настоящему. — Дарий медленно оглядел меня, как товар, который решил не отдавать. — Не за столом, не по приличию. Взаправду. Это мы поправим.

Я хотела ответить, что ничего они не поправят и ничего у меня не покраснело. Но горло не слушалось, а щёки пылали так, что прав он был кругом.

Меня выдернул Каэлан. Взял за руку и повёл прочь от двери, мягко, но так, что не поспоришь.

— Хватит с неё, — бросил он брату через плечо. — Свалится в обморок и всё нам испортит.

В комнате без стола стоял вязкий и густой воздух. Я наконец села, потому что стоять уже не могла, ноги сделались не мои. Внутри всё гудело от увиденного, и унять это я никак не могла.

Мать с отцом за всю мою жизнь ни разу не пришли друг к другу. Разные покои, разные постели, и это считалось нормой, у благородных так заведено. Нас с сестрой откуда-то взяли, а спрашивать про это не полагалось: спросишь — глянут как на хворую. Всё телесное пресекали на полуслове. Чистая девочка, без грязи в голове. Растили под какого-то большого мужа, что однажды захочет чистую.

А может, думала я, пока пальцы теребили край рукава, может, про эту самую грязь я всегда и мечтала. Просто слова не знала.

Мысль пришла тихо, и прогнать её я не успела. В коридоре бы смогла, а тут не вышло.

— Мы не насильники.

Я вскинула голову и столкнулась взглядом с Каэланом. Он сидел напротив, локти разместил на коленях, и лицо у него было почти серьёзным, насколько оно у него вообще бывало таким.

— И не монстры, что бы ты там про страшных ящериц себе ни насочиняла. Всё будет по твоему хотению, птичка. Тело мы взять можем, его нам, считай, уже отдали. Да только не тело нам нужно.

— Пекло с вашим хотением, — огрызнулась я. — Такого я не захочу никогда.

Он медленно улыбнулся.

— Никогда — большое слово.

И, не поднимаясь, толкнул меня ладонью в плечо, почти играючи. Но сидела я на самом краю, качнулась назад, и меня поймал Дарий, оказавшийся за спинкой, сомкнул руки поперёк

меня, притянул к твёрдой горячей груди, и вот я уже сидела между ними: гора сзади, лис спереди.

Точь-в-точь как та, за балдахином.

Каэлан подался ближе и провёл пальцем по моей щеке, тем же путём, что Дарий у двери, только медленно, лаская. Я мотнула лицом в сторону. Руки он не убрал.

— Вся горишь, — промурлыкал он мне на ухо, и голос шёл у него из груди вибрацией. — Чувствуешь? И это ещё без нашей магии, птичка. Мы пока и пальцем не колдовали. Ты представь, что будет, когда захотим постараться.

В том-то и беда, что представила: внизу живота занялось настоящее кострище, никаким колдовством его не прикроешь.

Дыхание Дария задевало ухо, каждый выдох обжигал шею.

— Не ври, — тихо произнёс он в затылок. — Дрожишь и не от страха.

Я и правда тряслась. Паскуднее всего было то, что понимала я это яснее их обоих.

Мой взгляд остановился на глазах Каэлана и скользнул на его губы. Серебристый лёд теплел, зрачок вытягивался в узкую драконью щель, и я всё смотрела на этот рот и оторваться не могла, а он говорил и говорил низким голосом про то, как будет медленно меня брать, как я сама попрошу, как стану просить громче той, за балдахином. Жар брата в спину, и этого в лицо, а посередине — моё кострище, что разгоралось всё выше.

Это было чересчур.

Я резко рванулась прямо с локтями, как выныривают из воды. И вот оно, главное: меня отпустили. Руки Дария разжались, Каэлан откинулся в кресло, будто и не ловил, а я стояла посреди комнаты растрёпанная, красная и загнанно дышала.

Меня никто не держал. Захочу — встану и уйду.

— Мне надо подумать, — выговорила я. — Обо всём.

— Думай, — зевнул Каэлан и потянулся в кресле, как разомлевший на солнце кот. — Только недолго. По одному-то мы тебя замучаем, птичка устанет. А вдвоём и легче, и быстрее. Вот в эту сторону и думай.

Складно врёшь, ящерица.

Я ещё не догадывалась, до чего он неправ. Что это их лёгкое и быстрое им же самим потом и выйдет боком.

С трудом я пошла к двери. Ноги слушались через раз.

И у выхода меня царапнуло холодом — там, где я ждала огня. Я прошла впритык мимо Дария, готовясь, что обдаст печью, как в коридоре минуту назад, а от него потянуло стужей, словно в раскалённой стене на миг приоткрылась щель на мороз. Жаровня рядом с ним мерно горела, без единого всполоха. И это тоже было не так, только чем — я не разобрала.

Померещилось. Мало ли что в голову лезет в такой день.

Я вышла, и до самых покоев меня трясло. Драконы тут были ни при чём. Меня колотило от себя самой: как же легко во мне всё это отозвалось.

Глава 4

Ясна

Пока я расчёсывала волосы, гребень цеплялся за тёмную путаницу, я драла её через силу, и в упрямстве этом было что-то от молитвы. Каштан ложился на плечи красивой тяжёлой волной. Как покойницу перед выносом причёсывают, тоже стараются.

Один раз потерпеть. Отдать им то, за чем везли, а там они получают своё и оставят меня в покое. Пресыщенные ведь, это по глазам видно, по тому, как зевали на пиру над голыми плясуньями. Возьмут, наиграются и забудут в дальних покоях, как надоевшую игрушку. Мне бы только пережить эту ночь.

Я отложила гребень, и руки дрожали.

— Пора, — позвали от двери.

Меня повели, и в этом одеянии я еле шла. Нижняя сорочка, шнурованный лиф, верхнее платье дома Асторн с высоким горлом, две юбки, пояс с пустым гербом. Всё зашнуровано и затянуто под подбородок. Последняя стена, что у меня осталась. Пусть снимают, если так надо. Повозятся хотя бы.

Купить можно тело, а не душу.

Я твердила это себе всеми тёмными галереями и всё равно дрожала.

Меня завели в круглую комнату без единого окна. Это была храмина, выдолбленная в чёрном камне. Посреди на трёх ступенях лежало широкое ложе, застеленное чем-то тёмным. Над ним, на возвышении, в железной чаше тлело Сердце Пламени. Сейчас он спал, багровый уголёк под коркой пепла дышал тихо, как зверь в норе.

Здесь не было ни одного чужого лица, для которого стоило бы играть гордую вейру. Только они двое и камень.

Дарий развалился в тяжёлом кресле сбоку от ложа, разместив локоть на подлокотнике, подбородок в кулак, и глядел, как я вхожу. Смотрел, как барышник на приведённую лошадь, не подсунули ли гниль вместо красивой шкуры. Иссиня-чёрные волосы чуть растрепались. А глаза почти как в чаше. От него через весь зал шёл жар.

— А вот и наша птичка, — услышала я сзади тягучий голос Каэлана с мурлыкающей ленцой, и не успела я повернуться, как он уже оказался рядом, весь серебряный с длинными пепельными волосами, переброшенными через плечо. Тронуть пока не тронул. Обошёл меня неспешно по кругу, разглядывая, и встал за спиной.

— Иди сюда, — выдохнул он мне в ухо. — Дарий не любит ждать. Я, впрочем, люблю. Но нас, к несчастью, двое, и приходится идти на уступки.

Он повёл меня к жару. Между лопаток я почувствовала тёплую ладонь, и от этого у меня свело плечи. Я смотрела на то, как Дарий медленно распрямляется в кресле, разводит колени, освобождая место, и это было так откровенно и по-хозяйски, что я застыла.

А руки Каэлана в это время уже гуляли по мне. Оказались везде без единого рывка: на плечах, на боках, скользнули по талии вниз, огладили бёдра поверх юбок и вернулись. Он ошупывал меня через ткань и довольно мурчал что-то себе под нос.

— Ашмара милостивая, — протянул он. — Сколько же на тебе всего. Птичка, ты на соитие шла или в обитель постриглась? Тут юбок на добрый месяц воздержания.

— Я порядочная, — выдавила я. — Я не... я суженого ждала. Честь по чести. А не вот это вот всё.

Прекрасно, Ясна, продолжай, они как раз оценят.

Дарий хмыкнул одними уголками.

— Суженый бы тебя и ночи не выдержал. Повезло, что нас двое.

— Вы вообще ящерицы, — выпалила я, потому что придержать язык было страшнее всего. — Здоровенные и зубастые. Я на такое не подписывалась.

Каэлан тихо засмеялся за спиной, и вибрация прошла по мне насквозь.

— Ящерица, значит. Какая же ты грубиянка, птичка. Сейчас покажу, что умеет большая страшная ящерица.

И тогда он развернул меня лицом к себе и поймал мой взгляд.

Я не поняла сразу, что это. В серебристо-серых ледяных глазах словно тронулась, поплыла вода. Зрачок дрогнул, потянулся вертикально, и из серебряной глубины на меня плеснуло тёплой волной. Плечи опустились сами. Дрожь, которую я скрывала весь вечер, отпустила пальцы и стекла куда-то в пол.

— Вот так, — мурлыкнул он. — Тебя же трясёт, птичка. Ну зачем? Дай-ка помогу. Расслабься. Никто тебя тут не тронет без твоего на то желания.

Голова моя заорала, что это чары, и он что-то делает со мной.

Держись, дура.

А тело уже плыло. Оно обмякло в его руках и слушало этот голос. Приличие и стыд зевнули и спрятались. Меня бросило в жар. Потянуло прислониться к нему всем телом. И я ужаснулась себе.

— Не смей, — прошептала я и не сдвинулась.

— Уже.

Дарий поднялся с кресла. Его жар придвинулся, накрыл со спины, и вот он уже стоял вплотную громадиной, а я оказалась зажата между ними, как между двух стен, где от одной веяло серебряным холодком, а от другой — чёрным огнём. Каэлан зачаровывал меня взглядом. Дарий же грубо взял меня за подбородок двумя пальцами, повернул к себе и поцеловал.

Ашмара.

Я думала, поцелуй — это что-то робкое, про что поют в песнях. А он взял мой рот, как хозяин, — губами, языком, всем, до чего дотянулся, и не спрашивал. Жар с него пролился мне в горло, спустился в живот, растекаясь между бёдер, и колени подломились. Я осела бы на пол, не держи меня две пары рук.

— Ноги-то слабенькие, — заметил Каэлан откуда-то из-за плеча, и в голосе его слышалась усмешка. — Дарий, ты её сейчас уронишь.

— Не уроню.

Дарий не отрывался от моего рта. Одной рукой он вцепился мне в затылок, жёстко вплёл пальцы в волосы, что я так старательно расчёсывала, не давая отвернуться, а другой уже прошёлся по горлу, по застёжке. Я цеплялась за его плечи. Хоть за что-то, потому что пол уходил из-под ног.

А сзади Каэлан воевал со шнуровкой. Я чувствовала, как он, не спеша, распускает лиф со спины, будто у него впереди вся ночь и эта возня доставляет отдельное удовольствие. Шнур поддавался, лиф слабел, а воздух холодил кожу там, где расходилась ткань.

— Светлая какая. — И палец его очертил открывшуюся полоску кожи вдоль хребта. — И румяная. Дарий, гляди, она вся идёт пятнами. Тронешь, и след останется. Как на снегу.

— Люблю белый снег.

Дарий не стал распутывать застёжки нижнего платья, как терпеливо возился Каэлан со шнуровкой. Он рванул, и ткань с треском разошлась по шву. От неожиданности я вскрикнула, и мой звук утонул во рту Каэлана.

— Ну зачем же так, — попенял серебряный брату, не отрываясь от меня. — Это работа тонкая. Ты как всегда, с корнем.

— Долго.

— В том и смак. Ты вечно комкаешь самое сладкое.

— Не для меня.

Они снова пререкались, будто меня тут и не было, и от этого унижения мне бы вспыхнуть, оскорбиться или в крайнем случае отбиться словом. А я стояла между ними полураздетая, с расходящейся на спине тканью, и не могла собрать ни одной колкости. Всё разъезжалось. Голова плыла, тело горело, и то место внизу живота, о котором приличной веيره и думать нельзя, требовательно ныло.

Отстранившись, Каэлан заглянул мне в глаза, и снова меня накрыла та серебряная вода, тёплая волна. Сторож, что только-только поднял голову, опять испарился.

А потом меня развернули к Дарию, и он взял мой подбородок и посмотрел.

Его чары оказались из другого теста. Серебром там и не пахло, в меня врезался жар. Багровый зрачок распахнулся, и вместо серебряного вина в тело ворвался огонь, что шёл от его кожи. Он не уговаривал, как брат. Просто открыл во мне заслонку и впустил жар туда, где до него остывал холод. Колени опять подломились. Внизу живота стянуло горячим узлом.

— Не отворачивайся, — рыкнул он тихо. — Не смей.

И я подчинилась, хоть во мне всё орало, что нельзя. Прежняя я тонула где-то и звала на помощь.

Это не я. Откуда во мне это? Во имя пекла, что они со мной делают?

Вслух я не сказала ничего. Только смотрела в его багровые глаза и часто дышала.

Дальше меня раздевали в четыре руки, и я перестала что-то соображать. Каждый снимал своё. Каэлан распускал, тянул, освобождал терпеливо, оглаживая открывшуюся часть кожи, будто разворачивал подарок и не хотел порвать обёртку. Дарий рвал. Где Каэлан развязывал бы минуту, Дарий проводил пальцем под тканью и дёргал. Лоскут летел в сторону, и я вздрагивала каждый раз. Юбки Дарий отшвырнул, не глядя. Потом сорочка, и на мне не осталось ничего.

И вот я стояла между ними совсем голая, а они были одеты. Каэлан даже ворот не распустил. Дарий лишь скинул верх, и его грудь в старых шрамах горела жаром рядом с моим плечом, но и только. Одетые мужчины и голая я. От этого было так стыдно и так незащитно, что кожа пошла новыми пятнами, и Каэлан, конечно, это заметил.

— Гляди, как горит, — протянул он с нежностью, от которой мутило. — Вся, до самых... ну надо же. Дарий, ты только глянь, докуда румянец.

— Снег расцвёл.

— На ложе её.

Меня уложили на мягкое покрывало, снизу грел камень. Они склонились надо мной с двух сторон, а последняя моя стена, что я везла с собой, валялась лоскутами на полу.

Дальше они не отпускали меня ни на миг.

Дарий грубо забрал мою грудь в ладонь целиком, сжал так, что я охнула, и большим пальцем прошёлся по соску. Тот сразу предательски отвердел. А Каэлан в тот же миг склонился к другой груди и глубоко втянул сосок в рот, посасывая его, и я не знала, за кем тянуться. Один мял и царапал зубами на грани боли, и она отдавалась вспышкой ниже. Другой ласкал влажно и медленно, доводя до ярких всполохов перед глазами. Два рта, два разных огня разом, и с губ у меня рвались звуки, которых я стыдилась.

— Нравится мягко, — промурлыкал Каэлан, оторвавшись, и обвёл влажный сосок пальцем, — или грубо?

Мои мысли унеслись так далеко, превратившись в чувства, что я даже не могла ничего сказать.

— Не отвечает, — довольно протянул он. — Зато тело говорит, что по-всякому. Ах ты, моя жадная.

Каэлан скользнул ниже, и я поняла, куда он метит. Всё во мне вскинулось — так нельзя, так не делают, — а потом его язык коснулся меня там, и всё смыло начисто.

Святые василиски.

Он ласкал меня ртом так же, как целовал, тягуче и терпеливо, зная, где коснуться. Язык двигался медленно, находил, кружил и отступал, когда я подавалась навстречу, возвращался, когда я замирала. А сверху не давал забыть себя ни на миг Дарий: ловил мои стоны ртом, целовал жёстко, глотал каждый звук, потом отрывался, чтобы прихватить зубами шею и снова вернуться к губам.

И Каэлан вёл меня вверх по длинной, мучительной лестнице, но не давал взойти. Подводил к самому краю, я уже выгибалась, уже срывалась, и он отступал, оставляя меня дрожать на грани, ни туда ни сюда.

— Каэлан, — выдохнула я.

Его имя само вырвалось мольбой.

— Слышишь, брат? — промурлыкал он снизу, обдав меня дыханием. — Позвала. — И снова подвёл к обрыву, а затем откатил, и я застонала уже в голос от досады и нужды.

— Хватит с ней играть, — бросил Дарий. — Доведи.

— В том и смак, что не сразу. Тебе не понять, ты всё с корнем вырываешь. — Каэлан неспешно лизнул, и я дёрнулась. — Такую сладкую и второпях? Грех.

Он подвёл меня к краю в третий раз и вот тут не отступил. Безжалостно поддал темпа, и лестница кончилась падением в бездну наслаждения.

И в тот самый миг, когда меня подбросило, Дарий впился зубами мне в шею. Я вскрикнула, потому что он прокусил кожу над ключицей, вжался, зарывав в неё, и экстаз прошёл сквозь эту боль, сливаясь с ней. Меня выгнуло дугой, и я кончила Каэлану в рот, а Дарий держал меня зубами за шею, как берут добычу, и рычал:

— Моё.

Пока брат ласкал меня внизу, Дарий пометил меня сверху, вжёл свой укус мне в шею, и место горело, пульсируя жаром.

Каэлан поднял голову, облизывая губы, и в бледном льду его глаз стояло такое довольство, что я отвела взгляд.

— Сладкая, — протянул он тихо. — Тает от каждого прикосновения. — Серебряный провёл языком по своей нижней губе, собирая меня с неё. — Птичка, я так от тебя голову потеряю.

На этих словах его голос сбился, и он сам будто споткнулся, тут же вернул усмешку на место.

— Моя очередь, — отодвинул Дарий брата плечом.

Я думала, на этом всё. Что во мне ничего не осталось, я лежала растёкшаяся.

Горячий дракон думал иначе.

Он лёг между моих разведённых ног, огромной скалой, и его рот пошёл туда, где только что находился Каэланов, но всё ощущалось по-другому. Он брал. У него язык был жёстче, напор злее, Дарий хлестал им, рыча прямо туда, и вибрация прошивала меня насквозь. Я ещё не остыла, распахнулась вся оголённым нервом, и эта грубость после тягучей ласки зажигала яркие огни.

— Нет, — простонала я. — Не могу, слишком, я не могу больше...

— Можешь.

Он добавил два пальца, которые ушли сразу глубоко, и я задохнулась. Дарий уверенно входил ими в такт языку, и то место, о котором приличной веيره и думать нельзя, приняло их, жалось вокруг и потекло.

А Каэлан устроился сверху, у моей груди. Забрал в рот сосок, тот, что Дарий обошёл, обвёл языком, прихватил зубами и смотрел, как легко на светлой коже проступают следы. Укусил ещё, и ещё, спускаясь, оставляя дорожку тёмных отметин по груди.

— Гляди, как принимается, — бросил он Дарию через меня, любуясь. — На такой коже метка сама ложится, только тронь.

Потом наклонился и слизнул капельку пота у меня с шеи, там, рядом с укусом брата.

— А говорила, что не будешь с нами, — промурчал он в самое ухо. — Смотри, как тело просит ещё. Течёшь от его пальцев, выгибаешься. И это мы даже не перешли к главному, птичка.

Я хотела возразить. Открыла рот, и в этот самый миг что-то скользнуло под меня сзади, и палец Каэлана осторожно надавил там, где я совсем не ждала.

— Не смей, — дёрнулась я, — не туда, нет...

Он поймал протест глубоким поцелуем. Накрыл мой рот своим, и слова захлебнулись, а палец меж тем медленно вошёл до костяшки, и моё предательское и дурманное тело приняло и его, отзываясь новой тёмной волной, которой я ужаснулась.

— Тихо, — шепнул он мне в губы. — Вот так. Тесная, мягкая, будто под нас и деланная. Под двоих. — Он двинул пальцем, и я всхлипнула.

Их было слишком много. Рот Дария внизу, его ласки, палец Каэлана сзади, его язык у меня во рту, укус, что горел на шее, следы, что он оставлял по груди, — я была окружена, заполнена, взята со всех сторон, и та прежняя Ясна, что строила складные планы разок потерпеть, тонула где-то далеко и уже не звала.

Второй раз накатывал быстрее первого, и я летела в него, не успев отдышаться.

— Громче, — рыкнул Дарий снизу.

Я вцепилась ему в волосы обеими руками, до боли в пальцах, сама бесстыдно притянула его к себе, и с губ у меня сорвалось:

— Ещё. Ещё, не останавливайся, ещё...

И захлебнулась этим словом, ужаснулась ему, но поздно.

Дарий не остановился. А Каэлан в тот же миг — пока брат вёл меня телом — впился зубами мне в плечо с другой стороны, ставя свою метку крест-накрест с Дариевой. Два укуса, две печати, и я сорвалась между ними, вцепившись в чёрные волосы, выгибаясь, кончая во второй раз, с тем же бесстыдным ещё на губах.

Они держали меня, пока я падала.

Я лежала между ними красная до груди и хотела провалиться сквозь чёрный камень. Закрыла лицо руками.

— Вот она где, — хрипло проговорил Дарий, поднимаясь. В багровых глазах стояло тёмное торжество. — Порядочная наша.

А потом всё изменилось.

Дарий поднялся на колени между моих ног, и жар его потяжелел, наливаясь гоном. Ему было мало моего рта, груди и двух экстазов. Затмение било в него, я видела это по вытянутому зрачку, и по тому, как он навис надо мной.

— Дарий, — бросил Каэлан спокойно, но за этим словом звенело предупреждение.

Багряный дракон не слушал. Гон вёл его. Подхватив меня под колени, он развёл их шире, придвинулся и подался, чтобы войти.

И остановился.

Я почувствовала это как стену. Будто у самого порога встала невидимая ладонь и не пустила его. Он надавил жёстче, гон гнал вперёд и снова уткнулся в ту же преграду, которая не поддавалась. Меня продрало холодом посреди жара, тело моё тянулось, было готово до последней капли, а порог стоял.

Дарий зарычал от бешенства. Попробовал ещё и опять стена. Вены вздулись на шее, глаза побагровели до черноты, гон ревел в нём, требуя своё, а войти он не мог.

— Твою мать, — горячо выдохнул он сквозь зубы, и я поняла, что его всерьёз задело. — Что за...

— Я тебе говорил, — тихо протянул Каэлан. И в его голосе тоже не осталось игры. — Не берётся.

— Почему? — прохрипел Дарий.

— Не знаю.

Дарий сел на пятки, тяжело дыша, глядя на меня — готовую, раскрытую, меченую, которую он уже взял ртом, руками и зубами. На лице у него проступила растерянность.

Каэлан поднял голову к возвышению, и я проследила за его взглядом.

Сердце Пламени спало. Камень лежал в железной чаше мёртвым угольком под коркой пепла. Ни искры. Мы сделали всё, что могли, а он даже не дрогнул.

Каэлан долго буравил его. У него в голове шла какая-то своя быстрая работа, и мне это не понравилось.

— Оденься, — бросил он наконец, не оборачиваясь.

Подойдя к чаше, Дарий замер над ней. Багровый отсвет его глаз не нашёл в камне ответа, тот не откликнулся даже на дракона в двух шагах.

— Мы взяли всё, — глухо проговорил он и повернулся, и его глаза нашли меня, голую, сжавшуюся, натягивающую на себя обрывок сорочки поверх двух горящих укусов. — Значит, дело не в том, что у неё между ног.

Никто из них больше не сказал ни слова. Дарий стоял над мёртвой чашей, Каэлан отвернулся, и только моё собственное дыхание билось в чёрных стенах храмины.

Я сидела на ступенях среди лоскутов и не понимала половины того, что слышала. Но одно ясно, и от этого разом протрезвела, будто окатили ледяной водой, и чарный дурман схлынул.

Они меня не отпустят. Ни за одну ночь, ни за десять. Разок потерпеть — самая глупая мысль за всю мою жизнь.

Не ночь им была нужна. Что-то во мне, чего я и сама в себе ещё не нашла.

А на шее жарко горели две метки.

Глава 5

Ясна

Я проснулась от того, что стыдно ныло плечо, там, где вчера сомкнулись клыки. Провела по метке пальцами, и низ живота отозвался так, точно там у меня поселился кто-то, кто вчерашнюю ночь запомнил куда лучше меня и был совсем не против повторить.

Предатель!

В малом зале, куда меня вели завтракать, была приоткрыта дверь, и я слышала два голоса. Оба я узнала и стала за створкой, потому что говорили обо мне.

— ...значит, камень должен был отозваться, — тянул Каэлан лениво. — Тело мы взяли по всем правилам, а он нем, будто мы всю ночь в кости играли.

— И толку с тех правил, — басил Дарий. — Затмение не ждёт, брат. Не замкнём — сгорим оба. А следом наши земли перервут друг другу глотки: удерживать их вместе будет уже нечем.

— Спасибо, до конца затмения я считать умею.

— Тогда подумай ещё раз: что делать, если она пустая?

За дверью запнулись, но мне хватило ухнуть в эту заминку целиком. Пустая — вот, значит, как это у них зовётся между собой.

— Если она не та... — Каэлан договорил не сразу. — Мы потеряли на неё вечер, метку и половину надежды. Её можно вернуть. Или...

— Или ничего, — отрубил Дарий. — Она отозвалась дважды, при всём дворе. Такого не бывало ни у кого. Пустая она — пустые мы, а не она.

— Как трогательно ты за неё вступаешься.

— Я защищаю наши шеи. Она — всё, что стоит между нами и погребальным костром. И я это не выброшу оттого, что тебе одной ночи не хватило.

Я стояла и собирала это по кусочку, и от каждого мутило сильнее. В какой-то момент рассуждения я себя по-настоящему возненавидела. Внутри пробудилось торжество. Всё, что отделяет их от костра, — это я. За меня цепляются два короля, потому что без меня им конец.

Молодец, вейра. Тебя только что назвали пустой посудиной, а ты и рада, глянь-ка, оказывается, ты в цене.

Ашмара милостивая, да что ж со мной не так?

— Занятно, правда? — послышался за спиной тихий голос, и я резко отпрянула.

Рядом стоял Азгар, и я даже не заметила, как он подошёл. Его бронзовые глаза разглядывали меня без выражения.

— Подслушивать нехорошо, вейра, — протянул он. — Хотя тебе можно. Тебя это касается больше, чем их.

Я шагнула прочь, но он поймал моё лицо и провёл одним пальцем по челюсти. Развернул к окну. Кожа у него была прохладная, и от этого прикосновения захотелось умыться.

— Они думают, ты пустая. — Он чуть склонил голову. — Дракон всегда решит, что дело в теле, поскольку это единственное, во что он верит. — Уголок рта у него дрогнул. — Камень смолчал не оттого, что ты пуста, вейра. Но им лучше не знать, а то наделают глупостей. Но ты... — Палец надавил чуть сильнее. — Ты пока побудь красивым недоразумением. У тебя славно выходит.

Меня потряхивало, и я вжала ногти в ладонь, чтоб не было заметно. Но язык эти твари у меня пока не отняли.

— А вы, стало быть, знаете. — Вырываться из-под его пальца я не стала. — Так поделитесь. Или древние ящеры только и горазды, что пугать да намекать?

В бронзе мелькнуло любопытство, и моя дерзость его позабавила.

— О, а девушка породистая. — Азгар отпустил моё лицо и отступил, и я наконец вдохнула. — Это и вправду сразу видно. — Он неспешно оглядел меня целиком. — Мы ещё поговорим, позже, когда ты будешь готова слушать, а не огрызаться.

И ушёл так же беззвучно, как пришёл, оставив меня трясущейся и с одной паскудной, непрощённой мыслью: он единственный, кто сказал мне, что я не пустая. И за это я ему почти благодарна. Тьма разбери, как низко можно пасть за одно утро.

Я досчитала до десяти, согнала с лица всё лишнее и вошла в зал, будто ничего не слышала и вся моя забота: не подавиться в обществе двух чудовищ.

Утро им шло. Каэлан был сплошь серебро и лень. Забросив ногу на ногу, он катал в пальцах виноградину. Дарий сидел чёрной глыбой, словно кусок остывшей лавы усадили на стул и велели вести себя прилично.

Я опустила голову, и плечо снова заныло под платьем, напоминая о своём. Думать о том, чьи это зубы, не выходило при всём старании. Каэлан заметил, как я поправила ворот, и в серых глазах зажглось такое ленивое довольство, что впору было запустить в него той самой виноградиной.

— Хорошо спалось, птичка? — мурлыкнул он.

— Как в клетке, — потянулась я за хлебом. — Просторной и тёплой, с двумя павлинами вместо сторожей.

— Павлины. — Каэлан на мгновение задумался, и в его глазах вспыхнули озорные огоньки. — Дарий, нас произвели в павлины.

— Павлин тут один, — не отрываясь от поедания мяса багряный дракон. — Я — ворон.

Есть не получалось. У меня стоял поперёк горла подслушанный разговор, и хлеб крошился в пальцах без всякого проку.

Дарий коротко поднял голову и посмотрел на моё лицо. На то, что у меня, надо думать, побледнело.

— Ешь, красавица. — Он придвинул блюдо толчком, будто злился, что вообще это делает. — Отощала. Сыну в тебе расти, а не на чем.

Тут бы мне и вспыхнуть, потому что я им — утроба под наследника, но бросил он это уже в сторону, и на его скуле дёрнулась мышца, будто он сам себя за эту заботу презирал. И я запуталась.

Может, почудилось. Мало ли что мерещится днём при свете.

К концу завтрака на серебряном подносе принесли письмо. Я сразу узнала печать: облупленная цапля Асторнов на выцветшем гербе. Дядя Госмер и тётя Брисса отыскились быстро. Меня и продать-то толком не успели, а они уже строчили.

Я сломала воск и начала читать: «Драгоценная наша Ясна, возносим хвалу Ашмаре за то, как высоко ты поднялась. Двор, короли, честь, о какой в нашем положении и мечтать не смели. Помни, дитя, что ты носишь имя Асторнов, титул не велит забываться даже в чужой постели...»

Во мне тлел стыд за то, что всю жизнь берегла гордость ради такого вот письма.

«А коли судьба так к тебе щедра, сама Ашмара велит делиться с теми, кто дал тебе кровь и имя. Кум Мертис поиздержался, кухню Лейну пора пристроить. При таком дворе ей всяко сыщется место. Пришли что сможешь, да замолви слово. Мы всегда знали, что ты нас не оставишь. Кровь не водица».

Титул не велит забываться. А меня сбывали за дядины карточные долги, и он, видишь ли, поиздержался снова, а я, стало быть, обязана делиться.

Помни, кто ты, Ясна.

А кто я? Залог, который ловко пристроили и теперь примериваются доить второй раз.

Всю жизнь я думала, что гордость во мне от них. Что титул и имя не дают мне сделаться вещью, обеднеть не стыдно, стыдно быть чернью. А они своей же рукой снова мной торговали,

точь-в-точь как Азгар полчаса назад, только тот хоть смотрел на меня как на редкость, а эти — как на кошель.

Ради кого, спрашивается, я не гнулась все эти годы?

Я подняла глаза от письма. Каэлан следил за мной поверх виноградины, Дарий — из-под бровей, и оба, святые василиски, глядели внимательнее, чем вся моя родня за восемнадцать лет.

Вот тогда мне впервые и явилась мысль, от которой стало совсем скверно: а ну как дом мой не там, откуда шлют такое.

Каэлан, разумеется, выбрал этот самый миг для дела.

— Отложи семейную переписку, птичка. — Он двумя пальцами вынул листок у меня из рук, не читая, и бросил на поднос, словно тот пачкал ему кожу. За это я почти его простила. — Есть вопрос поинтереснее твоего дяди: что нам с тобой делать?

— Как мило, что вы советуетесь, — ехидно улыбнулась я.

Дарий стрельнул в брата глазами: мол, сболтнул лишнее. Я сделала вид, что не заметила.

— Всё просто. — Каэлан снова перекинул ногу на ногу. — Раз с одного... захода камень не проснулся, значит, тебя надо узнать получше. Тебе — нас. Сделаем это по очереди. Спешить некуда, цикл только начался.

Спешить как раз есть куда. Затмение не ждёт, это я тоже подслушала. Но вслух он о том не обмолвился, и до меня дошло: мне не должны показывать, что они боятся. Слабости при двух дворах не покажешь. Передо мной — тем более.

— По очереди. — Я отодвинула тарелку. — То есть меня расписали по сменам. День — ты, день — он. Как лавку, где два хозяина не поделили прилавков.

Каэлан довольно рассмеялся. Дарий же, кажется, ещё больше помрачнел.

— Прилавков мы как раз поделить и не можем, — буркнул он. — Уже на том встали, кому первому.

— Я предлагал жребий. — Каэлан развёл руками с показным терпением. — А мне предложили отправиться в одно интересное место.

— Я предлагал, чтобы первым был я. — Дарий даже жевать не перестал. — Раз уж кое-кто двадцать три года назад свёл у меня Голую Пядь интригой, кое-кто может и подвинуться.

— Голая Пядь. — Серебряный дракон прикрыл глаза с блаженным страданием. — Дарий, радость моя, ты правда потащишь этот булыжник в постель? Двадцать три года спустя? Он вереском зарос.

— Он мой.

— Это бесплодный клочок земли, из-за которого мы оба выходим болванами.

И вот сидела я, доедая нелюбимый завтрак, и смотрела, как два дракона, что вчера вдвоём довели меня до того, о чём и вспоминать при свете не хотелось, всерьёз грызутся, кому я достанусь первой и из-за клочка вереска.

И снова, злее прежнего, вспыхнуло торжество. Они не могут меня поделить, стало быть, я чего-то стою, есть во мне то, чего нет ни у одной красотки с их пиров. Я нужна обоим и позарез.

Соберись, дура. Одна жерёбая кобыла на весь косяк, вот чем ты им дорога. За такое цепляются, но любить не думают.

И всё-таки отравленная власть, купленная такой ценой, впервые за всё это время была хоть немножко моей. И я, чешуя и пепел, за неё ухватилась.

Договорились так: первым — Дарий. Каэлан уступил с лицом, будто делал одолжение мирозданию. Его земля, его правила — и всё это уже через день.

Меня, само собой, никто не спросил, тянет ли на свидание. Я и не напрашивалась. Обсуждать расписание, по которому два дракона станут меня по очереди узнавать получше, — увольте.

Однако я поймала себя на том, что жду этого с каким-то непрошенным нетерпением.

Глава 6

Ясна

Свидание, сказали они. Я и размечталась, дура: сад, вино, может, кто-нибудь прочтёт мне стихи, как порядочной вейре, а не заложной за отцовы долги вещи. Ашмара милостивая, наивная же я была.

Меня привезли на бойню.

Ехали долго, час, если не больше. Сумеречный двор остался за спиной, а с ним и то зыбкое спокойствие, к которому я почти привыкла: земля, где ни один из них не хозяин, где меня делят, но хотя бы пополам. Дорога поползла вверх, к чёрным горам, воздух начал густеть и теплеть, будто мы въезжали в чью-то натопленную комнату. Камень под колёсами почернел и заблестел. Небо порыжело. Умом я бы не объяснила, а кожей чувала: кончилось ничьё. Началось его.

Багряный предел, земля Дария. Во мне нарастала тревога, а внутри жадность, врать себе не стану.

Внизу показалась круглая чёрная дыра в кольце ревуших трибун, называемая ямой. Никаких лент и дамских платочков. Гладиаторская дыра, где убивают, и толпа набилась именно за этим.

— Свидание, значит, — процедила я.

Стражник, что вёл меня к местам, только мотнул головой в сторону скамей. За разговоры со мной ему не платили.

Усадили на виду. Багряные и серые лорды вновь разделились и сидели, косясь друг на друга, а Каэлана среди них не было. Не сразу я поняла, что мои глаза скользят по рядам в поисках серебряного дракона.

Нашла кого искать, вейра.

Он бы сюда и носа не сунул. Кровь и рёв не по его части, свои игры он ведёт тоньше, за закрытыми дверями.

А потом на песок вышел Дарий, и про серебряную сторону я забыла.

Он был без рубахи, и я увидела, сколько на нём шрамов. Здоровый, весь в старой битой коже, а по песку шёл легко и лениво, будто выполз зевнуть, а не убивать. Против него выпустили мужика не мельче, плечистого чужака с клинком не для потехи.

— Короли, значит, тешатся, — буркнули где-то за спиной, зло и вполголоса. — А межа стоит нетоплена, лорды ропшут. Доиграются.

Оборачиваться я не стала. Но слова запомнила.

Дрались всерьёз. На первом же размене по рёбрам Дария скользнула красная полоса, толпа взвыла, а я вцепилась в скамью так, что заныли костяшки. Болела за него, святые василиски, за ящера, который меня купил.

Он играл с соперником, подпуская близко, а потом бил. И делал всё так быстро, что у меня горело внизу живота. Толпа ревела, и я поймала себя на том, что тоже кричу. В венах клокотал азарт, и это, чешуя и пепел, было волнительно и страшно.

Ну вот и приехали.

Кончилось всё быстро. Дарий поймал чужой клинок голой рукой, отчего брызнула его собственная кровь. Рванул лезвие на себя и вбил бойцу локоть в висок, тот сложился и больше не встал. Яма взвыла одним горлом. Дарий выпрямился, красный до локтя, и через всю ревушую трибуну нашёл взглядом меня. Глаза налились багровым, зрачок вытянулся в щель. Смотрел так, словно уже знал, чем кончится вечер, и просто переживал, пока я попадусь.

И я отвела глаза первой. От самого приезда сюда я не опускала их ни перед кем, а тут опустила, и себе этого не простила.

И тут рядом оказался Азгар, когда я ещё не отдышалась. Не слышала, как он подошёл. Просто возник из ниоткуда, такой древний и спокойный, с этими странными глазами.

— Делить истинную до добра не доводит, — протянул он, глядя на окровавленный песок. — Я на своём веку навидался, вейра. Братья и не из-за такого рвали друг друга в клочья.

Он холодно улыбнулся, у статуй и то теплее, и растворился в багряной толпе. А слова остались. Древняя гадина. Знал, куда их мне положить.

Дарий нашёл меня сам. Ещё не остывший, красный от чужой и своей крови, от него шёл жар, как из той же ямы. Взял меня за локоть и повёл.

— Куда мы?.. — пискнула я.

— Ко мне.

— У нас же...

— Красавица. — Он даже шага не сбавил. — Помолчи.

Через несколько минут мы вошли в комнату, где бойцы ждут своей очереди в яму. Там был голый камень, лавки и витал тяжёлый дух масла и пота. Сейчас пусто, все либо на песке, либо на трибунах, глазуют. Он завёл меня туда и прикрыл дверь ногой.

Развернул меня к себе. Я успела открыть рот, чтобы сказать что-нибудь колкое, поставить его на место, язык-то пока ещё мой, и больше ничего не успела. Он взялся за ворот и рванул, да так, что ткань пошла с треском, платье поехало с плеча, и его горячая и шершавая ладонь легла мне на грудь, ещё в ссадинах после ямы.

— Дарий, подожди!

— Каэлану так говори. — Губы уже шли вниз по шее, кусали кожу. — Меня останавливать не смей.

— Я не готова!

— По-моему, вполне.

И рука его была уже под юбкой. Прошла по бедру вверх, по внутренней стороне, и скользнула на влажное. На тонкую ткань, которая давно позорно промокла насквозь, и теперь он это знал. Пальцы медленно двинулись по ней, и слова у меня кончились, все до единого.

Подхватив меня, Дарий усадил на стол. Развёл мне колени и встал между. И вот тут мне стало по-настоящему страшно за саму себя.

Потому что хмеля не было. Ни серебряной дымки в голове, ни дурмана, ничего, на что можно свалить. Только его руки, жар, и вейра, которая текла, дрожала и тянулась навстречу. Никаких чар. Хотела его сама.

Пальцы его скользнули под ткань, наконец, и я вцепилась ему в запястье, вместо того чтобы оттолкнуть, сама не понимая зачем. Он замер. Посмотрел на меня. Вблизи его багровые глаза казались ещё более устрашающими и манящими, дыхание стало тяжёлым, и Дарий не двинулся дальше, ждал, пока я решусь сама. Вот ведь гад.

Хотелось свести колени. Он не давал, стоял между ними, широкий и твёрдый, будто из того же чёрного камня, что и его горы, и свести их было некуда. Рот у меня приоткрылся, дышала я через раз.

— Ты хочешь, чтобы я тебя взял? — спросил он, чуть наклонив голову.

Хороший вопрос: неужели я желаю, чтоб сделали со мной всё, что он захочет? А в головушке моей уже всё мутилось, и тело рвалось к нему.

Он двинул пальцами глубже. И у меня вылетело, мимо всякого стыда:

— Безумно!

Пепел и кровь, это не я сказала, это кто-то чужой моим голосом. Я вспыхнула до ушей. А Дарий усмехнулся мне в шею, довольный собой. Низко зарычал, я этот рык почувствовала кожей. И после жадно впился в шею губами.

— Не здесь. — Меня ещё хватило хоть на какие-то слова. — Прошу. Это... это мой первый раз.

— Тем слаще, — выдохнул он, облизывая мою кожу.

Вот и весь разговор. Наговорил на целую свадьбу.

Он поймал мою руку и прижал к себе, ниже пояса. Под тканью он был уже твёрдый, и когда до меня дошло, какого он размера, всё поплыло заново.

— Чувствуешь? — глухо спросил Дарий.

Чувствовала. Ашмара, ещё как. И в дурной, стыдной голове вспыхнуло сразу: член. Просто слово, а меня от него передёрнуло. Девки при особняке хихикали, что чем больше, тем лучше. Так то больше. А это громадина, и в первый раз, говорят, больно до слёз. От этого делалось страшно и любопытно разом, а ещё и стыдно. Но вслух эту срамоту я, само собой, не выпустила.

Пальцы его ласкали где надо, и он целовал меня жадно и зло, отбирая воздух, без всякой нежности. Движения пошли резче, нетерпеливее, он уже не играл. И меня несло всё выше, к самому пределу, туда, откуда не возвращаются в приличном виде. И на этом краю, неведомо как, вырвалось последнее трезвое, что во мне ещё оставалось:

— Дарий, так камень не зажжётся!

И он с усилием остановился, будто осаживал сорвавшуюся с горы лавину. Отнял руку и, отстранившись, оглядел меня, растрёпанную, мокрую, на этом столе, с задранной юбкой и разорванным на плече платьем. Ничем не помог.

А во мне всё горело и требовало, и никуда не делось от того, что он убрал пальцы. Я свела наконец колени, зажала себя ладонями и зажмурилась. Не помогало, только злило. Пришлось просто сидеть так минуту, пережидая этот жар, который он поднял и бросил. Хотелось довести самой. Но это стыдно и нельзя. Раньше бы такое и в голову не пришло, а вот сижу, хочу и терплю.

А Дарий стоял и смотрел, как я корчусь оттого, что он бросил на полдороги. Любовался он или злорадствовал, по каменному лицу не разберёшь, и лезть к нему в голову я не бралась. Сама захотела.

Вот и терпи теперь.

— И ты со мной то же делаешь. — Голос у него сел, сорвавшись на хрип.

Открыла было рот. Что я-то ему делаю? И осеклась на полуслове. По нему и правда было видно: держится на одной злости, налит до предела, и стоит ему это не меньше, чем мне. Утешение так себе.

Он отошёл к стене и упёрся в неё лбом, переводя дыхание.

— Долго ждать я не смогу, красавица, — пробасил Дарий. — Так и знай.

Потом обернулся, и я увидела, что багровое в глазах ещё не улеглось.

— И вот что. Каэлан у тебя первым не будет. — Это уже без всякого жара, спокойно поставил меня в известность. — Заруби себе на носу.

Я слезла со стола и поняла, что ноги не держали, пришлось схватиться за край. Платье висело клочьями, между бёдер было мокро и горячо, и это уходить не собиралось. Довёл не до конца, но так, что теперь я себя не узнавала. Прежняя Ясна меня не поняла бы и руки бы не подала.

И где-то на самом дне, минуя стыд и злость на него и на себя, шевельнулась поганая мыслишка: а ведь я и правда долго не протяну. Вот что он со мной сделал, ящер. И Каэлана даже рядом не было.

Но противный голос в голове шепнул словами Азгара, что делить истинную до добра не доводит. Гадина. Даже сюда, на этот стол, я притащила его слова.

Хотелось попросить отвезти меня домой, но потом я осеклась.

Домой? А домой — это куда? Нет у тебя больше дома.

— Отвези меня во двор, — выговорила я холодно, хоть на это меня ещё хватало.

Он усмехнулся. Кажется, понял, что я так до конца вечера бёдер и не разожму, и это его забавляло.

Ящерицы. И одна из них только что оставила меня гореть, а мне ещё всю дорогу трястись рядом с ним и делать вид, что во мне ничего не полыхает.

Вот такие свидания у непослушных вейр.

Глава 7

Ясна

Комната желаний пряталась в глубине Лунного крыла, за дверью без ручки, и Каэлан вёл меня к ней совершенно неспешно.

— Ну-с, птичка. — Он остановился, положив ладонь на серебристую створку, но не толкнул. — Зеркала показывают то, чего ты хочешь по-настоящему. Не то, что говоришь вслух, ты у нас порядочная, я помню. То, что прячешь глубже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.